

форма характерного для эпохи физико-теологического обоснования творения, предполагающего восхождение мысли от следствия к причине. Специфика состоит в том, что это обоснование содержит формулу, обнаруживающую представление о гармоничном сочетании природы и результатов духовной и общественной деятельности людей как элементов их целостного чувственного и практического опыта, их цельной жизни при подчинении этого опыта библейской идее о начале мира. Иными словами, преодолевается античная противоположность между природой (φύσις) и результатом деятельности людей (τέχνη).

Ведущая мировоззренческая идея христианства о конечности мира обосновывается, как видно, и ссылкой на авторитет Писания, и методом эмпирической индукции, т. е. путем перечисления природных и общественных явлений. В известном смысле представляет интерес сопоставление данного обоснования с первой антиномией чистого разума Канта, также выражающей идею конечности мира, но рассматривающей ее логические антиномии⁸, а не общую гармонию. Строго говоря, данное сравнение не является в силу различия сопоставляемых эпох предельно корректным. И все же, именно И. Кант с предельной ясностью выразил идею западного рационализма, а Григорий Палама — идею византизма “оправдание жизни”, как представления о совокупном жизненном опыте, подчиненном идее мистического постижения бога.

Применение эмпирической индукции Паламой свидетельствует о том, что он находит аргументы в той сфере мыслительной деятельности человека, которая принадлежит не столько разуму, сколько рассудку, т. е. связана с представлениями об известном, традиционном, “готовом” знании, коммуникациях человека. Рассудочная часть души, соответствующая рассудочному знанию (λογική γνώσις) по Паламе, связана, как он пишет, с многообразным опытом наук и искусств, опытом обработки земли и строительства дома⁹.

Впрочем, характерно и целостное понимание мира на уровне разума. Однако, как пишет Палама: “все, что мы знаем о небе, и законы природы, и искусство и всякое знание, состоящее из отдельных частей, которое мы строим с помощью разума из ощущений и благодаря воображению, лишено само по себе духовности”¹⁰. В этих словах заключается не только идея необходимости синтеза веры (духовности) и разума, но и механизм этого синтеза. Высшая истина духовна и постигается в вере, в акте мистического единения с богом. Синтез разума и веры также очень важен и для Фомы Аквинского. Именно так трактуют идеи Фомы представители современного католицизма¹¹ и томизма. Наряду с этим Фома придавал большое значение рассудку. Однако в метафизике Фомы разуму отводилась значительная роль. Именно так интерпретирует соответствующие идеи Фомы М. Хейдеггер. Фома противопоставляет чувственное разрозненное знание и интеллигибельное, т. е. познание, “которое направлено на то, что свойственно всему сущему, универсально, без всякого исключения”¹².

⁸ Кант И. Критика чистого разума: Пер. Н. Лосского. СПб., 1907. С. 266—270.

⁹ Greg. Palam. Col. 1165. 63.

¹⁰ Greg. Palam. Col. 1133. 20.

¹¹ Движение к экуменическому сознанию / Интервью католического священника о. Романо Скальфи для “Вопросов философии” // ВФ. 1989. № 9. С. 150.

¹² Хейдеггер М. Основные понятия метафизики // ВФ. 1989. № 9. С. 150.